

Ксперв

QUERELLE DE BREST

JEAN
GENET

Кэриль

**ЖАН
ЖЕНЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ж54

Jean Genet
QUERELLE DE BREST

Печатается с разрешения издательства Editions Gallimard

Издательство выражает благодарность художнику
Chris Lopez (<http://www.lopezgallery.com>)
и Miles Windsor за иллюстрацию на обложке.

Жене, Жан.

Ж54 Кэрель / Жан Жене; пер. с фр. М. Климовой. – Москва:
Издательство АСТ, 2015. – 416 с. (Книга non grata)

ISBN 978-5-17-092020-4

Жан Жене (1910-1986) – французский писатель, беспризорник, бродяга и вор, пришедший в литературу прямо из тюрьмы. Фигура этого неожиданно появившегося в середине 50-х годов на Монмартре и очаровавшего парижских интеллектуалов «бандита» не может не впечатлять. Жан Кокто явился инициатором петиции к президенту об освобождении Жене, когда тот, будучи автором уже нескольких романов, был помещен в тюрьму, и ему грозило пожизненное заключение сразу по 16 статьям УК. Жан-Поль Сартр посвятил ему книгу: «Святой Жене, комедиант и мученик». Кроме романов, Жене был автором стихов, театральных пьес, искусствоведческих эссе и политических статей. Мировую славу Жене принесли пьесы, одна из которых, «Служанки», имела шумный успех и на сценах отечественных театров.

Роман «Кэрель» (Querelle de Brest) был написан Жене в 1947 году и является, вероятно, его самым красивым и романтическим прозаическим произведением. Обычные для Жене темы любви и преступления раскрываются в нем на фоне моря и с участием моряков. В 1982 году Райнер Вернер Фасбиндер снимает по нему свой последний фильм «Кэрель – договор с дьяволом».

ISBN 978-5-17-092020-4

© Editions GALLIMARD, Paris, 1953
© Маруся Климова, перевод
© Chris Lopez, иллюстрация на обложке
© Miles Windsor, модель на обложке
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Жаку Г.

«За два года, проведенные на морской службе, его непокорность и развращенность стоили ему семидесяти шести наказаний. Он делал наколки новобранцам, воровал у товарищей и вступал в противоестественные сношения с животными».

*Из дела Луи Менеклу, 20-ти лет.
Казнен 7 сентября 1880 года.*

«Я следил за уголовной хроникой, и дело Менеклу потрясло меня. Я не настолько испорчен, как он, я не насиловал и не расчленял своей жертвы. Нас нельзя сравнивать хотя бы потому, что, в отличие от него, я всегда ходил при галстукe...»

*Заявление судебному следователю
Феликса Леметра, убийцы 14-ти лет.
(15 июля 1881 года)*

«Другой солдат, упав случайно ниц во время битвы, в момент, когда враг поднял меч, чтобы нанести ему смертельный удар, попросил дать ему перевернуться, дабы его возлюбленный не увидел, что он поражен в спину».

Плутарх «О любви».

Мысль об убийстве часто сопровождается воспоминаниями о море и моряках. Но море и моряки являются нам не в виде ясного образа, убийство, скорее, пробуждает в нас образ бушующих волн. Порт часто бывает местом преступления, это легко объяснимо, и мы не будем на этом останавливаться, но из многочисленных хроник известно, что среди убийц встречаются как настоящие, так и переодетые моряки, и если убийца был переодет, то преступление обязательно связано с морем. Мужчина надевает форму матроса не только для маскировки. Его переодевание является началом некоего церемониала, всегда сопровождающего умышленные преступления. Во-первых, это как бы возносит преступника над землей и помогает ему оторваться от линии горизонта – места, где море переходит в небо; широкими и упругими шагами он идет по воде, олицетворяя собой Большую Медведицу, Полярную звезду или Южный Крест; это (мы по-прежнему имеем в виду переодевание преступника) вновь возвращает его на сумрачные континенты, где днем светит солнце, а ночью луна покровительствует убийствам в бамбуковых хижинах у неподвижных рек, переполненных аллигаторами, это позволяет ему действовать как бы во сне

и заносить свое оружие, стоя одной ногой на океанском пляже, а другой устремляясь по водам к берегам Европы, это заранее дает ему забвение, ибо моряк всегда «возвращается издалека», и позволяет ему смотреть на обитателей суши как на растения. Одежда убаюкивает преступника. Она окутывает его своими складками, теснотой тельняшки и простором брюк. Она усыпляет его. И усыпляет уже замороженную жертву. Нам еще придется говорить о роковой внешности матроса. Мы знаем, как она действует. В очень длинной фразе, начинающейся со слов: «Возносит преступника над землей...» мы, вероятно, слишком увлеклись поэтическими сравнениями, но только для того, чтобы дать представление о пристрастиях автора. Подчиняясь своеобразному внутреннему настроению, мы хотим представить здесь драму. Надо сказать, что она посвящается гомосексуалам. К мыслям о море и об убийстве всегда так естественно примешиваются мысли о любви или наслаждении – и более того, о любви противоестественной. Без сомнения, моряки, охваченные (воодушевленные, это слово нам кажется даже более подходящим, и в дальнейшем мы сможем убедиться в этом) желанием и потребностью убийства, могут плавать и в торговом флоте, на дальних рейсах, их могут пичкать сухарями или ударами плетки, заковывать за малейшую оплошность в кандалы, высаживать в незнакомом порту, снова брать на борт на грузовое судно с сомнительным маршрутом, однако, каждый раз, ког-

да в туманном каменном городе мы встречаем стройных, возбужденных в предвкушении учений здоровяков из Военного флота, когда мы видим плечи, профили, кудри и покачивающиеся непокорные бедра этих сильных и нежных парней, невозможно усомниться в их способности к убийству, которое оправдывается уже одним их участием, ибо они облагораживают собой этот акт. Спускаются ли они с небес или поднимаются из пучины, где встречаются самые удивительные чудовища и сирены – на земле моряки обитают в каменных домах, военных портах, во дворцах, чья устойчивость так непохожа на легкую возбудимость и женскую отзывчивость вод (не случайно в одной из матросских песен так и поется: «...море тебя утешит»), на причалах, заваленных цепями, заставленных тумбами и швартовыми кнехтами, и всегда помнят, что они только на якоре, как бы далеко от моря они ни находились. Чудесная архитектура казарм, фортов и заброшенных тюрем формирует их осанку.

Брест – суровый и надежный город, выстроенный из серого бретонского гранита. Его надежность подчеркивает порт, который дает матросам чувство безопасности и точку опоры для нового рывка. Она позволяет им отдохнуть от постоянной зыбкости моря. Только благодаря солнцу, слегка золотящему его фасады, не уступающие венецианским, благодаря присутствию на его узких улочках беспечных моряков и, наконец, благодаря туману и дождю Брест не производит гнетущего впечатления. Здесь и разворачива-

ется действие книги, и мы начинаем наш рассказ в тот момент, когда сторожевой корабль «Мститель» уже третий день стоит на рейде. Его окружают военные корабли : «Пантера», «Победитель», «Грозный», а также «Ришелье», «Беарн», «Дюнкерк» и другие. Подобные названия уже встречались в прошлом. На стенах часовни при церкви Сент-Ив в Ля Рошели висели картинки, изображающие пропавшие или спасенные корабли: «Шалунья», «Сапфир», «Фея», «Любимая». Эти корабли не оказали никакого влияния на воображение Кэреля, видевшего их иногда в детстве, тем не менее, мы считаем своим долгом отметить их существование. Для моряков Брест всегда будет городом «Феерии». Вдали от Франции моряки, разговаривая между собой об этом борделе, неизменно сопровождают свою речь шутками и утробным смехом, так, как будто говорят о шолонских¹ утках или наивных аннамитах²; они вспоминают хозяина и хозяйку, обмениваясь фразами:

- Давай бросим на них кости. Как у Ноно!
- Этот ради шлюхи готов сыграть с Ноно!
- А тот в «Феерии» точно проиграет!

Название «Феерия» и имя «Ноно», несмотря на то, что имя самой хозяйки оставалось неизвестным, обошли весь свет, то и дело слетая с губ матросов в насмешливой скороговорке. На борту никто тол-

¹ Шолон- часть г. Сайгона, славившаяся приготовлением изысканных блюд из утки (здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчика)}

² Аннамиты- устаревшее название вьетнамцев

ком не знал, о какой игре идет речь, но никто, даже новички, не осмеливались это показать, каждый моряк стремился сделать вид, что он в курсе. Этот брестский бордель обрел сказочный ореол, и моряки, приближаясь к порту, тайно мечтали об этом доме свиданий, хотя вслух говорили о нем не иначе как со смехом. Жорж Кэрель, герой этой книги, говорил об этом меньше других. Ему было известно, что его брат – любовник хозяйки. Вот полученное им в Кадисе письмо, из которого он об этом узнал:

«Дорогой братишка, я решил черкнуть тебе пару слов, чтобы сообщить, что я вернулся в Брест. Я хотел снова наняться на работу в доки, но там уже не брали. Бабки у меня были. Работа никогда не шла мне особенно впрок, и я, как маленький сверчок, в конце концов нашел свой шесток. Чтобы скоротать время, я встретился с Мило и почти сразу же заметил, что жена хозяина «Феерии» положила на меня глаз. Я не ударил в грязь лицом, и теперь это окупается сторицей. Хозяину на это плевать, у них с женой чисто деловые отношения. У меня все хорошо. Я надеюсь, что у тебя тоже, ты приедешь в отпуск, и т.д.». Подпись: «Робер».

В сентябре иногда идет дождь. От дождя легкая полотняная одежда, рубашка и голубые штаны прилипают к телу, обрисовывая мускулы портовых рабочих. По вечерам с верфей спускаются целые группы каменщиков, плотников и механиков. Они устали. И вынуждены замедлять свои тяжелые шаги,

чтобы их могучие ноги в башмаках не разбрызгивали лужи. Они медленно и грубо врезаются в легкий, стремительный поток вахтенных матросов, являющихся настоящим украшением этого города, искрящегося до рассвета скрипом их ботинок, взрывами смеха, песнями, шутками, оскорблениями, выкрикиваемыми девкам, поцелуями, воротниками и помпонами. Рабочие возвращаются в свои бараки. Весь день они работали (у военного, будь то матрос или солдат, никогда нет ощущения, что он работал), из прихотливого переплетения дополняющих друг друга движений их рук постепенно начали проступать контуры конечного результата их труда, теперь же они возвращаются к себе. Они чувствуют друг к другу что-то вроде смутной привязанности и скрытого отвращения. Женаты из них немногие, но и у тех жены далеко. К шести часам вечера рабочие выходят за решетки Арсенала и покидают доки. Они поднимаются к вокзалу, где расположены столовые, или спускаются к Рекуврансу, где в небольшом меблированном отеле они снимают комнаты. Большинство из них – это итальянцы, но есть и испанцы, несколько североафриканцев и несколько французов. Вот этот разгул усталости, тяжелых мускулов и мужественного утомления и любил созерцать офицер с «Мстителя», лейтенант Себлон.

«Кровельщики работают на крышах зданий Адмиралтейства. Они лежат там ничком, распластавшись, как на волне, на фоне серого неба, вдали от людей на земле.»

Их не слышно, они затеряны в просторах моря. На краю крыши, лицом к лицу, они измеряют друг друга высотой поднятого торса, угощая табаком.

На каторжную тюрьму постоянно направлена пушка. Сегодня эта пушка (точнее, ее ствол) поставлена стоймя посередине двора, где выстраиваются каторжники. Удивительно, что раньше преступников в наказание могли отдать в матросы.

Я прошел мимо «Феерии». И ничего не увидел. От меня все скрыто. В Рекуверансе мне мимоходом бросилось в глаза, как на ляжке матроса – я так и не пресытился этим зрелищем, столь частым на борту корабля, – складывается и разворачивается аккордеон.

«Брестировать». Это, без сомнения, о бретерах: ссориться.

Узнав – из газеты или откуда-нибудь еще – об очередном скандале или только предчувствуя его начало, я уже готов бежать. Мне все время кажется, что именно меня заподозрят в том, что я был его зачинщиком. Думая о том, сколько скандалов могло бы возникнуть по моей вине, я начинаю чувствовать себя демонической личностью.

По отношению к хулиганам, которых я держу в объятиях, их головам, тихонько накрываемым простынями и ласкаемым мною, моя нежность и страстные поцелуи

являются чем-то вроде смеси признательности и восхищения. После полного одиночества, которое всегда отделяло меня от людей, возможно ли это, правда ли, что я могу прижать к себе этих обнаженных мальчиков, смелость и сила которых поднимает их так высоко, а меня ошеломляет и повергает к их ногам? Я не осмеливаюсь поверить в это, и слезы наворачиваются мне на глаза из благодарности к Господу, давшему мне это счастье. Мои слезы делают меня нежным. Я таю. Ощущая их влагу на своих щеках, я прижимаюсь, изнывая от нежности, к гладкой и твердой щеке юноши.

Строгий, иногда даже подозрительный, как у настоящего блюстителя нравственности, взгляд, которым педераст окидывает встретившегося ему красивого молодого человека, не может скрыть глубокого чувства собственного одиночества. В одном мгновении (пока глаза не отведены) заключено, сконцентрировано так много отчаяния, смешанного с лихорадочной боязнью быть отвергнутым. «Это было бы так прекрасно...» – думает он про себя. И даже если он ни о чем не думает, об этом говорят его изогнутые брови и блеск его темных глаз.

Обнажив часть своего тела, Он (Кэрель, имени которого из предосторожности офицер старался не писать, потому что для его товарищей и начальства содержания его личного дневника было бы достаточно, чтобы его растоптать) – Он рассматривает его. Он отыскивает черные точки, следы от ногтей, розовые

прыщи. Ничего не найдя, Он злится и старается их представить. Стоит Ему остаться без дела, как он предаётся этой игре. Сегодня вечером Он рассматривал свои легкие – хотя и жесткие, – густые черные волосы на ногах, сгущающиеся в паху наподобие тумана, смягчающего грубые, угловатые, как из камня, линии. Меня удивляет, что этот ореол мужественности окружает столь нежную ногу. Он забавляется тем, что прижигает волосы сигаретой, потом наклоняется, чтобы ощутить запах жженого. Он улыбается своей привычной улыбкой. Его отдыхающее тело – это Его великая страсть, страсть, исполненная тоски, не возбуждающая. Склонившись, Он любит себя. Он рассматривает себя, как в луну. С тщательностью энтомолога, наблюдающего за жизнью насекомых, Он не упускает из виду ничего. Но стоит Ему шевельнуться, и каким ослепительным становится все Его тело в движении!

Он (Кэрель) никогда не бывает рассеянным. Все время, каждое мгновение Он внимателен к тому, что делает. Он не знает, что такое мечта. Он всегда сосредоточен. Его невозможно застать врасплох. И между тем ребячество Его поведения сбивает меня с толку.

Мне хотелось бы засунуть руки в карманы брюк и небрежно бросить Ему: «Подтолкни-ка меня, стряхни мне пепел с сигареты». И грубо, по-мужски, Он ткнул бы меня кулаком в плечо. И я очнулся.

Я мог бы стоять прямо, держась за форштевень, качка была не такая уж сильная, но я сознательно пользовался движением корабля, увлекающим, уносящим меня все время по направлению к Нему. Мне даже удалось коснуться Его локтя.

Казалось, злая и преданная своему хозяину сторожевая собака, готовая перегрызть вам сонную артерию, повсюду следовала за Ним, иногда проскальзывая между Его икрами, так, что бока животного сливались с мускулами Его бедер, она все время рычала и показывала клыки, она была свирепа, и вы все время ожидали, что она вот-вот бросится и вцепится Кэрелю в мошонку».

Представив вам отрывки, тщательно подобранные из разных мест личного дневника, мы хотим, чтобы матрос Кэрель, порожденный одиночеством, пленником которого был офицер, явился вам похожим на Ангела из Апокалипсиса, ногами покоящегося на море. Когда лейтенант Себлон думал о Кэреле, воскрешая в воображении все его прелести, очертания мускулов и половой орган, матрос казался ему ангелом (позже он так и напишет: «Ангел одиночества»), то есть существом все более и более нечеловеческим, хрупким, окутанным звуками музыки, существом, созданным вопреки законам гармонии или, точнее, под музыку, начинающую звучать в тот момент, когда гармония исчерпана, сметена, и под эту музыку медленно летит огромный ангел, никто